

Сегодня. - 1995. - 12 окт. - с. 10.

Иосиф Прут: меня чуть не называли Лизой

Татьяна Рассказова

— Полагаю, Иосиф Леонидович, что не случайно вы получили образование в Женеве. Вероятно, ваш отец был состоятельным человеком: промышленником, купцом или предпринимателем?

— Не это было главное. Главное — что отец не имел права жениться.

— ?
— У него был туберкулез. Тем не менее брак состоялся, и через шесть месяцев после моего рождения у меня обнаружили ту же болезнь, а у отца — скоротечную чахотку. В Швейцарию семья поехала на лечение, но папа умер в дороге, и нас выставили из вагона, пришлось его похоронить в Германии (немцы не разрешали возить трупы). А меня лечили на протяжении восемнадцати лет и излечили совершенно.

— За эти годы вам удалось там же и выучиться?
— Естественно. Закончив школу, я получил звание бакалавра и направился в Париж поступать в высшее учебное заведение. Но вместо этого вступил добровольцем в русский экспедиционный корпус, так как война еще длилась, шел восемнадцатый год. Когда кончилась империалистическая, в России началась гражданская, и я понял, что надо ехать домой.

— Почему вы пошли в красную армию, а не в белую?
— Почему? Потому что прожил восемнадцать лет в демократическом государстве и полагал, что нужно бороться за демократию. Принимал меня в армию лично Семен Михайлович Буденный.

— Да что вы! И о чем же он вас расспрашивал?

— Когда меня к нему подвели, он сказал: «Чего ты хочешь?» «Хочу вступить в Первую конную армию». «А что умеешь делать?» «Говорю по-французски, по-немецки, по-английски». Семен Михайлович пожал плечами: «На кой хрен нам это надо: белые говорят по-русски». «Еще хорошо езжу верхом». «Чего-чего? — он переглянулся со своими. — Интересно посмотреть. А ну влезь на эту барышню», — под окном стояла чья-то кобыла. Я сел в седло. Ты себе представляешь, что стало с лошадыю, когда она почуствовала чужака? Но швейцарская школа дала себя знать: через две минуты «барышня» шла у меня испанским шагом. Буденный крикнул в окно: «Слазь, дурак, ты нам коня спортишь». Я вернулся в дом. На столе лежала шашка. Он спросил: «Знаешь разницу между шашкой и саблей? Это что?» А надо тебе сказать, у шашки, в отличие от сабли, нет предохранителя между лезвием и рукояткой. Я ответил: «Шашка, товарищ командующий». «Тогда иди в строй». Через пятьдесят лет, поздравляя меня с семидесятилетием, Буденный сказал, что если б я тогда ошибся, он бы выгнал меня вон.

— Извините, а случилось ли вам этой шашкой разрубить человека?

— Не задавай таких вопросов, война есть война — все было.

Сначала я был рядовым, но постепенно дослужил до командира эскадрона. А затем из нашего полка сделали пограничный, так что на сегодня я — почетный пограничник. Защищал южную границу, Туркестан.

— И когда вы ушли из армии?

— Подожди.

— Как «подожди»? Между прочим, я еще про Льва Толстого не спросила, а мы с вами уже до южной границы добрались. Все-таки как случилось, что вы в десять лет видели Льва Николаевича?

— Просто меня время от времени привозили в Россию, чтобы выяснить, могу ли я жить в российском климате. И всякий раз отправляли обратно в Швейцарию. В один из приездов мама повезла меня в Ясную Поляну, показала Толстому и сказала, что со мной можно говорить по-французски. Помню только, что мы разговаривали в саду, во время его прогулки, и что французским он владел великолепно. Это была минутная встреча.

Так вот. После армии я стал журналистом, переехал из Ростова в Москву, где начал работать в газете «Кооперативный путь» и в «Вечерке»: давал отчеты о работе театров. Перезнакомился буквально со всеми. А затем, так как я обслуживал и кино, пошел в ученики к Олегу Леонидовичу Леонидову, который работал на киностудии «Межрабпом-Русь». Только после этого я написал первый большой сценарий «Сто двадцать тысяч в год», его поставил режиссер Григорий Черняк.

— Вы, кажется, познакомились с Ханжонковым. Я почему-то полагала, что он эмигрировал, а оказывается — служил консультантом Госкино. Он что же — не успел уехать?

— Я не задавал ему этого вопроса. Могу сказать, что жил он на Моховой.

— Вероятно, после революции его лишили дома, собственности?

— Деталей не знаю, но он жил в том же доме, что и до революции: в своем собственном.

В общем, началась моя жизнь кинематографиста в Москве. А продолжилась на «Ленфильме», где Сережа Бартенев поставил по моему сценарию фильм «Человек из тюрьмы», а затем Марк Донской — «Огонь».

Два моих фильма — «Секретарь райкома» и «В мирные дни» — в разное время получили государственную премию — Сталинскую по-тогдашнему. А я — как автор — не получил ни одной!

— Но почему?

— Наверное, за длинный язык. Говорил не то, что нужно.

— Скажите, а с кем-нибудь из тогдашних вождей вы встречались? Может, кое-кто из них делал вам внушение, как следует писать для трудового народа?

— В двадцатом году я привез с фронта письмо Сталину от Кирова и впервые видел его очень близко. А вторая встреча была довольно любопытной. Звонит мне как-то Ната Вачнадзе, известнейшая киноактриса, и говорит, что приглашена Светланой Алилуевой на дачу — вдвоем с мужем. «Но мужа нет, можешь поехать со мной».

Приехали. В саду был накрыт стол. Вышел хозяин, сел, увидел Нату и, поднявшись, что-то сказал ей по-грузински. Она поблдевала, посмотрела на меня, и они вдвоем вышли. Я чуть не умер.

Через двадцать секунд Сталин вернулся, а через три минуты вернулась и Ната. «Ты можешь себе представить, что со мной стало, когда он мне сказал: «Выйди на минутку в коридор»? Я думала, это конец моей жизни». «Ну и в чем было дело?» — спросил я. «Мы вышли — он говорит: «Имей в виду, если тебе нужна уборная, — то в конце коридора направо».

Вот и все мои встречи со Сталиным.

— В титрах фильма «Тринадцать» Ромм обозначен как соавтор сценария. Расскажите, как вы с ним работали. Чей был сюжет, чьи диалоги?

— Все началось с того, что Ромма выгнали из кино. Что-то он позволил себе сделать без разрешения Шумяцкого, тогдашнего председателя Госкино. И как раз в это время звонок: меня приглашают к Шумяцкому. Он говорит: «Наверху смотрели американский фильм «Потерянный патруль». Это история английских солдат, которые погибли в бою с местными жителями во время завоевания Индии. Действие происходит в пустыне. Хозяин сказал: «У нас много пустынь, хорошо бы тоже сделать фильм». Вы можете что-нибудь предложить?» Я отвечаю: «Могу. У меня есть хороший материал. Но с одним условием: чтобы ставил Ромм». «Хорошо. Приходите с Роммом».

Короче говоря, я написал сценарий, Миша добавил свои мысли, поэтому в титрах и написано: «Сценарий Прута и Ромма». У Ромма в тот момент не было буквально

но никаких средств, поэтому когда мы получили деньги, то поделили их пополам.

Кстати, если вы обратили внимание, действующих лиц в фильме двенадцать, а не тринадцать. Дело в том, что Коля Крючков в пустыне немножко запылился, и пришлось отправить его в Москву. А название решили оставить прежним. Но того, что героев меньше, чем заявлено, кажется, и по сей день никто не заметил.

— Вы дружили со старыми мхатовцами — скажите, могли ли одни из них признавать авторитет только Станиславского, а другие — лишь Немировича? Или все боготворили обоих?

— Нет, Станиславский и Немирович-Данченко были одним целым. Они почти всегда держались вдвоем: на всех заседаниях, на всех совещаниях... Я тебе расскажу маленький эпизод. Мы устроили в честь почтенных стариков вечер и ужин в клубе мастеров искусств. Немирович и Станиславский сидели рядом, а я — поблизости, поэтому слышал их разговор. Немирович знал почти всех, а Станиславский — никого: «Кто эта милая дама, Владимир Иванович?» Тот, почесывая бороду, отвечал: «Новикова. Премьерша оперетты». И так без конца. Немирович уже был на нерве, когда вошел Донатов. «А кто этот импозантный мужчина с бородой?» — спросил Станиславский. «Константин Сергеевич, нужно все-таки знать своих коллег. Это режиссер оперетты Донатов», — отвечивал Немирович, поглаживая благодарную седую растительность на подбородке. «Что вы говорите глупости? Режиссер не может быть с бородой», — безапелляционноотреагировал Константин Сергеевич.

— Скажите, а вам не известно, имелись ли во МХАТе штатные стукачи?

— По-моему, нет, этого не было. МХАТ был художественный театр. Были великие старики, которые держали все в своих руках.

Что тебе еще сказать? Я начал свой большой путь в искусстве с «Мстислава Удалого» в постановке Завадского, с «Года девятнадцатого», который ставил Алексей Дмитриевич Попов.

— Один современный драматург на вопрос, трудно ли было работать с Эфросом, ответил: «Нет, совсем не трудно. Просто он работал, а я смотрел». А вам с Завадским и Поповым было трудно?

— Трудно не было, но помогать приходилось. Например, они просили читать пьесу для актеров. Да и объяснять им кое-что случалось — в частности, по просьбе Завадского.

— То есть что объяснять?

— Как играть. Скажем, Степа Сулов в «Мстиславе Удалом» — что у него в голове? Я рассказывал то, чего не мог придумать Завадский, будучи человеком абсолютно штатским, с войной не соприкасавшимся. Поэтому я присутствовал на всех репетициях. Иногда он заходил в тупик и говорил: «Оня, объясни». И я объяснял.

— Иосиф Леонидович, если вы в свои девяносто пять лет продолжаете работать, то чем сегодня заняты?

— На протяжении последних двадцати лет я работаю вместе с женой — журналисткой и киномраатургом Еленой Евсеевной Черняк. Значит, что мы делаем? Сценарии для телевидения, статьи. Закончили три исторических киноромана. Первый — «Анна де Рюсси» — о дочери Ярослава Мудрого, которая вышла замуж за короля Франции Генриха I, а после его смерти была украдена графом Валуа. Второй роман — о величайшем авантюристе мира, человеке, сменившем четыре вероисповедания и обездивившем всю Европу. Он претендовал на русский престол, вылавывая себя за сына Василия Шуйского. Его имя Тимофей Анкудинов. Третий роман — о вице-короле новгородском, создателе русского военного флота и регулярной армии, правой руке Петра Великого Франсуа Лефорте.

— Эти сочинения будут экранизированы?

— Пока все три романа, надеюсь, будут просто печататься в серии «Русская старина». Что касается Лефорте, швейцарское телевидение занято поисками копролюсеров во Франции, чтобы приступить к экранизации. А с романом об Анне Ярославне произошла неприятная история. Несколько лет назад нас попросили помочь сценаристу французского фильма о Берлиозе, который французы снимали у нас на «Мосфильме». Я совершенно безвозмездно написал всю русскую часть и подарил этому сценаристу. А заодно дал либретто «Анны Ярославны», поскольку от фирмы «ПАТЭ» пришло письмо о том, что они одобряют кинороман и ждут шагов российской стороны, чтобы начать совместное производство. То есть я надеялся, что француз возьмет на себя французскую часть сценария, чтобы она была точнее по языку и т. д. Но в благодарность за помощь он передал либретто своей подруге Режин Дефорж, которая использовала его мотивы, сострояв роман «Под небом Новгорода» (где Анна Ярославна, кстати сказать, никогда не бывала).

Наша общая знакомая встретила эту даму в Канне и без обиняков сказала ей, что та воровка. В ответ Дефорж просила нам передать, что если мы не будем поднимать шума, то можем использовать из ее романа все, что хотим! Ни много ни мало.

— Вот они, капиталистические акулы пера во всей красе... Иосиф Леонидович, общеизвестно, что писатели отличаются экстравагантностью. Есенин закупал в подарок односельчанам десятки ведер и коромысел, один менее известный его собрат по перу, проживая в московском квартале, завел корову, чтобы дети пили парное молоко. А как ваш самый экстравагантный поступок?

— Деточка, ты меня озадачила. Не знаю. Ну вот в тридцать седьмом году я вскрывал опечатанную библиотеку арестованного друга и доставал книги, чтобы его жена могла, продавая их, как-то существовать. Помогал семье Мандельштама, с которой не так уж был и дружен... Но это не самое главное.

Может быть, самое экстравагантное событие в моей жизни — это мое рождение. У нас в Ростове вовсе не беременных женщин зависело, когда им рожать. Этот вопрос решала знаменитая акушерка Фрума. Жила она в Таганроге — это рядом с Ростовом, — и когда ей звонили и говорили, что вот, мол, нам кажется, что пора, она решительно отвечала: «Вам кажется? А мне не кажется, я сама знаю, когда пора».

Итак, поступил звонок от Фрумы, что маме нужно ехать. Рожать отправились всей семьей: папа, мама, два деду, одна бабушка (дед Прут был вдовым) и тетя Аня — двоюродная сестра дедушки Прута из Одессы. Она была старой девой: оперный бас Сангурский обещал на ней жениться, и она прождала его всю жизнь. Причем была помещена на опере. В момент родов — непосредственно на «Пиковой даме». Когда приехали к акушерке, тетя заявила: «Родится мальчик — назовем Германом, а будет девочка — Лизой. Если вы это делаете — кладу на имя ребенка в банк одну тысячу рублей». Надо тебе сказать, в девятисотом году это были огромные деньги, на них можно было купить не одну, а сто десять коров. (Буренка стоила девять рублей.)

Начались роды. Я шел ногами. Они были тонкие — Фрума посмотрела и сказала: «Девочка». Тетя закричала: «Лиза!» Но когда я дошел до середины, Фрума поняла, что ошиблась. «Нет, оказывается, мальчик». «Герман!» — возликовала тетя. «Не Герман, а Осип!» — веско поправил дед. — Так звали моего отца, так будут звать и его». «Тогда — вот что ему, а не тысячу рублей!» — воскликнула разъяренная тетя и показала мне, еще не вышедшему на свет божий из материнского чрева, выразительную дулю.

Это было самое значительное событие в моей жизни. Потому что с тех пор я мужественно переносил материальные потери.

